

СКАЗАНИЕ

О

ЖИЗНИ И ПОДВИГАХЪ

БЛАЖЕННЫЯ ПАМЯТИ

ОТЦА СЕРАФИМА,

САРОВСКОЙ ПУСТЫНИ

ІЕРОМОНАХА И ЗАТВОРНИКА.



МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

1841.

Печать дозволяется

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, до выпуска изъ Типографіи, представлено было въ Ценсурный Комитетъ законченное число экземпляровъ. 30го Сентября 1841 года.

Московская Духовная Академія.

*Ценсоръ, В. Семинаріи Ректоръ
А. Асанинъ.*

Апостолъ Павелъ говоритъ: *Поминайте Наставники ваша, иже глаголаша вамъ Слово Божіе, ихъ же взирающе на скончаіе жителства, подражайте вѣрѣ ихъ* (Евр. 13, 7). Посему, благоговѣя къ почившему въ Божѣ Старцу за его примѣрные добродѣтели, я вознамѣрился краткимъ писаніемъ передать память его жизнь и подвиги. Я буду повѣствовать, частію то, что извѣстно современнымъ ему Старцамъ Саровской Пустыни, а частію то, что онъ мнѣ самъ сказывалъ по особенной его ко мнѣ довѣренности и любви, въ разные времена моего сожителства съ нимъ. Наблюдая за его жизнью, я записывалъ въ свое время и его краткія наставленія, которыя онъ мнѣ и приходившимъ давалъ. Такимъ образомъ, составилось слѣдующее краткое жизнеописаніе.

Л. С.



Изображеніе кончины Гермогена
Саровскаго Пустынни Стца Серафима,
послѣдовавшая 1833 году Февраля 2 сего.

**ЖИТІЕ И ПОДВИГИ БЛАЖЕННЫЯ ПАМЯТИ
ОТЦА СЕРАФИМА, САРОВСКІЯ ПУСТЫНИ
ІЕРОМОНАХА И ЗАТВОРНИКА.**

Мѣстомъ рожденія сего доблѣствсннаго подвижника благочестія былъ губернскій городъ Курскъ. Родился онъ 1759 года Іюля 19^{го} дня. Отецъ его былъ Курскій кунецъ Исидоръ, по прозванію Мошнинъ, мать Агаѳіа. При крещеніи наречено ему было имя Прохоръ. Спустя три года послѣ его рожденія, отецъ его Исидоръ скончался. Какъ при жизни споей онъ занимался строеніемъ церквей, такъ и умирая оставилъ, начатое имъ въ городѣ Курскѣ, созиданіе каменнаго храма во имя великаго Чудотворца, Преподобнаго Сергія, на поначеніе женѣ своей Агаѳіи, подъ надзоромъ которой пѣ послѣдствіи времени оное и довершено. Во время строенія сего храма однажды Агаѳіа пошла на церковное зданіе, взявши съ собою и сына своего, которому было тогда около семи лѣтъ, — и

какъ прошла на зданіе, то онъ, оплучась опъ нея, по дѣтской неосторожности, упалъ съ высоты зданія на землю. Мать, увидѣвши сіе, поснѣвши сойппи внизъ, и думала найти его уже мертвымъ; но къ удивленію нашла его стоящимъ на ногахъ и совершенно невредимымъ. Благочестивая мать усмотрѣла въ семъ особенное дѣйствіе Промысла Божія, сохранившаго онрока, и со слезами благодарила за сіе Господа Бога.

По времени онрокъ Прохоръ отданъ былъ для обученія чпенію и письму. Онъ былъ прилжеетъ и показывалъ оспропу ума.

Когда было ему около десяти лѣтъ, случилась съ нимъ болязнь, которою онъ одержимъ былъ долгое время. Священнослужителямъ тамошняго Знаменскаго монастыря случилось идти съ Курскою Чудотворною Иконою Божія Матери по городу шюю улицею, на которой находился домъ родителей Прохора, и какъ въ то время былъ сильный дождь, онъ котораго произшедшая грязь и шюнь преняпсповали даже нести Икону улицею; шю для удобнѣйшаго шествія помесл Ея чрезъ дворъ Прохора. Мать Прохорова, увидѣвши сіе, и обрадовавшись сему внезапному случаю, вышла въ срѣщеніе Чудотвор-

ныя Иконы Божія Матери, неся на рукахъ и больнаго отрока Прохора; она поднесла его къ Иконѣ и дала ему приложиться къ оной. По семъ Чудотворная Икона перенесена была чрезъ него, и въ то же время отрокъ получилъ чудесное и совершенное изцѣленіе, за которое мать съ сыномъ своимъ приносила Заслуженныя и Исцѣлительныя усердное благодареніе.

Отъ сихъ благодатныхъ дѣйствій и чудснаго изцѣленія въ отрокѣ Прохорѣ возгорѣлось пламенное усердіе къ Господу Богу и Спасу нашему Іисусу Христу и Пречистой Его Матери. Воспламенялся болѣе и болѣе сего ревностію, онъ рѣшился наконецъ оставить домъ, имѣніе, мать, брата и свою родную страну, и посвятить себя жизни иноческой; почему на 18^{мъ} году отъ рожденія своего и получилъ събѣ отъ Курскаго Общества увольненіе въ званіе иноческое.

Прежде поступленія своего въ монастырь, Прохоръ пошелъ въ Кіевъ для поклоненія Святымъ Мощамъ, и возвращаясь оттуда, пришелъ въ Саровскую Пустынь 1778 года 20^{го} Ноября, наканунѣ Введенія во Храмъ Божія Матери, при Строителѣ обители, Іеромонахѣ Пахоміѣ, и опредѣлился въ число послушниковъ.

По вступленіи въ обитель проходили онъ разные послушанія, какъ-то: будильника, просфорника, занимался споларною работою, и, по обычаю оной Пустыни, имѣлъ келейное занятіе рѣзать кипарисныя креслы. При построеніи въ то время больничной церкви, онъ изъ усердія сдѣлалъ престолъ своими руками изъ кипариса.

Въ 1780 году, будучи послушникомъ, онъ сдѣлался боленъ. Особенное смотрѣніе за нимъ тогда имѣлъ оной Пустыни Казначей Іеромонахъ Іосифъ. Какъ Прохоръ опъ болѣзни пришелъ въ крайнее изнеможеніе силъ, такъ что опасался и за жизнь его; то Строитель Пахомій предлагалъ ему призвать лѣкаря, или отворить кровь. Но Прохоръ отвѣчалъ ему: я предалъ себя Истинному Врачу душъ и тѣлесъ, Господу нашему Іисусу Христу, и Пречистой Его Матери, Преблагословенной Дѣвѣ Маріи. Строитель, услышавъ сіе, болѣе не напоминалъ ему о лѣкарствахъ. Казначей же Іосифъ, по любви своей къ болящему, предложилъ Строителю, что желаетъ онъ о здравіи Прохора совершить всеобщее бдѣніе и литургію, и приобщить его Святыхъ Таинъ, на что Строитель и согласился. По окончаніи Казначеемъ Іосифомъ всеобща-

го бдѣнія и литургіи, Прохоръ былъ приобщенъ тѣла и крови Господней, принесенныхъ ему въ келлію послѣ литургіи, и въ такомъ положеніи оставленъ.

Въ слѣдующую ночь сподобился онъ Божественнаго нѣкаго посвященія, и получить облегченіе отъ болѣзни, въ скоромъ времени совершенно выздороветь.

1786 Года Августа 13^{го} дня, по Указу Святѣйшаго Синода, постриженъ онъ въ монашество Строгилемъ, Іеромонахомъ Пахоміемъ, и дано ему имя Серафимъ. Принявъ новое имя Ангельское, онъ обратилъ очи свои, еже не видѣши суеты, и измѣняясь измѣненіемъ Божественнымъ, направилъ путь свой внутреннимъ вниманіемъ и умнымъ Боговидѣніемъ къ вѣчному солнцу правды, Христу Богу, имя Коего посылъ онъ непрестанно въ сердцахъ и уснцахъ своихъ; съ горящимъ усердіемъ онъ началъ подвизаться о приближенія любвию ко Господу, и дѣйствительнымъ образомъ узналъ, что любовь возвышаетъ умъ нашъ къ Богу, и Богъ нисходитъ къ намъ, какъ и Самъ Спаситель сказалъ: *Любля МЯ, возлюбленъ будетъ Отцемъ Моимъ; и Азъ возлюблю его, и явлюся ему Самъ* (Іоан. 14, 21). Во время соборной молитвы съ братією, онъ

предстоялъ Господу со вниманіемъ, непоколебимо, какъ пѣломъ, шакъ и духомъ.

1787 Года въ Декабрѣ мѣсяцѣ посвященъ онъ во Іеродіакона Преосвященнымъ Викпоромъ, Епископомъ Владимірскимъ и Муромскимъ. Принявъ сіе священное служеніе, онъ усугубилъ ревность и усердіе къ Господу Богу и къ Святой Его Церкви, такъ что въ продолженіи прехъ лѣтъ со времени посвященія въ сію степень, то находился онъ въ чину чреды у поздней литургіи, то служивалъ въ раннихъ литургіяхъ по разнымъ храмамъ обители, и послѣ каждой службы занимался, по приведеніемъ въ порядокъ Священной утвари, то попеченіемъ о чистотѣ олтаря. Усердіе его къ храмамъ Божиимъ было столь велико, что часто цѣлые дни препровождалъ въ оныхъ, слѣдуя гласу Пророка: *Изволихъ примѣтатися въ дому Бога моего паче* (Псал. 83, 11). Онъ шамъ упражнялся въ Богомыслии и чтеніи Божественныхъ книгъ, и отшуда поучался Божественному разуму, собиралъ въ ковчегъ сердца своего сокровище духовное.

Имѣя умъ, очищенный онъ спрасстей, онъ неоднократно удоспоявался духовныхъ видѣній.

Будучи Иеродіакономъ, онъ имѣлъ уже пустынную келлію, въ разстояніи отъ монастыря въ пяти верстахъ. Въ нее хаживалъ онъ для уединенной пощной молитвы, днемъ же всегда находился въ монастырѣ.

1793 года Сентября 2^{го} дня посвященъ онъ въ Иеромонаха Преосвященнымъ Θεοφιломъ, Епископомъ Тамбовскимъ и Пензенскимъ, при Спроятелѣ Пахоміѣ. По полученіи новой благодати Духа Святаго, онъ еще съ большею любовію смалъ подвизаться ради Господа Бога, полагая посхожденія къ Нему въ сердце своемъ. Принося Богу безкровную жертву, онъ вмѣстѣ съ симъ приносилъ и самого себя въ жертву живу, святу, благоугодну Богови, словесное служеніе. Рим. 12, 1.

Отъ непрестаннаго въ церкви стоянія, Отецъ Серафимъ получилъ опухоль въ ногахъ. По причинѣ каковой болѣзни, а болѣе, по склонности къ уединенной жизни и по любви къ совершенному безмолвію, онъ началъ просить у Настоятеля Иеромонаха Пахоміа благословенія на жизнь пустынную или отшельническую, въ подражаніе древнимъ пустынножителямъ. Получивъ отъ Настоятеля благословеніе, удалился въ пустынную свою келлію въ 1794 году осеннимъ временемъ.

По вступленіи въ жизнь опшесльническую, нѣлесныя его упражненія состояли въ воздѣлываніи грядъ для сажденія картофеля и другихъ овощей, также въ пригошовленіи дровъ для топленія келміи. Чрезъ каковое шрудолобное упражненіе, и болѣзнь, бывшая въ ногахъ, миновалась. Душу же насыщаль онъ чтеніемъ Священнаго Писанія Ветхаго и Новаго Завета, Іоанна Лѣствичника, Василія Великаго, Фѳрема Сирина, Добролюбія и твореній прочихъ Святыхъ Опцевъ, очищая чрезъ сіе мысль свою па Боговидѣніе и творя ее зеркаломъ Духа Свяшаго. Правилוםъ его въ пустыщѣ было: каждый день прочитывать по нѣскольку зачатъ изъ Евангелія и Апостола, и исправлять по Церковному Уставу весь порядокъ службы неопущиниельно безъ всякой перемѣны; въ ночное время много занимался молитвою и поклонами; сонъ его былъ весьма короткій. Наканунъ какого-либо праздника или воскреснаго дня всегда приходилъ онъ въ монастырь, гдѣ слушалъ вечерню, всенощное бдѣніе и въ самый праздникъ пріобщался Святыхъ Таинъ у ранней литургіи. После литургіи до вечерни принималъ въ монастырской своей келміи приходившую къ нему, пользы ради душевной, братію; старшимъ изъ нихъ давалъ полезныя совѣты, а младшимъ дѣлалъ

опеческія наставленія. Во время же вечерни, взявъ хлѣба на недѣлю, возвращался въ опшельническую свою келлію. Онъ имѣлъ обычай всегда приходитъ въ обитель на первую недѣлю Святаго Великаго поста; во всю оную седмицу до субботы онъ ничего не вкушалъ, да и пищи приносилъ не приказывалъ. Живя въ пустынѣ, такою обаяніемъ онъ былъ любовію къ воздержанію, что просилъ у Наспоптея благословенія питаться однимъ каршофелемъ и другими овощами, которые онъ самъ садилъ у келліи своей; и послѣ того питался три года однимъ каршофелемъ, овощемъ и спиною. Нѣкоторые изъ послушниковъ обители хотѣли - было съ нимъ вмѣстѣ жить; но не могли понести пустынной жизни и великихъ его трудовъ, возвращались паки въ обитель.

Простираясь къ вѣщшему подвигу, онъ возымѣлъ ревность стоявъ на камнѣ, въ подражаніе Преподобному Сумеону Столпнику. Камней, на которыхъ онъ стоялъ, было два, — одинъ находился въ его келліи, другой въ лѣсу на половинномъ разстояніи отъ обители къ его келліи. Образъ стоянія его былъ таковъ: на одномъ камнѣ, что былъ у него въ келліи, стоялъ онъ съ уша до ветра, сходи

съ него только для принятія пищи, какую приносилъ ему усердствовавшій къ нему братъ изъ монастыря; на другомъ же стоялъ съ вечера до утра съ воздѣтыми горь руками, взывалъ къ Господу Мытаревымъ гласомъ: *Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному*. Въ паковомъ подвигѣ онъ находился тысячу дней и тысячу ночей; онъ чего все шло его измѣнилось, волосы сдѣлались на головѣ подобны войлоку, а въ ногахъ получилъ болѣзнь, которая продолжалась до самой его кончины. Подвигъ сей проходилъ онъ такъ тайно, что въ продолженіи его стоянія никто не зналъ о семъ. Въ послѣдствіи же времени открылся онъ о томъ нѣкоторымъ изъ братіи. Одинъ братъ, будучи пораженъ удивленіемъ о такомъ его подвигѣ, возразилъ старцу, что это превосходитъ силы человѣческія; Старецъ же, указавъ ему на примѣръ Сумеопы Столпника, присовокупилъ: сей подвижникъ благочестія сорокъ семь лѣтъ стоялъ на Столпѣ, а мои шруды похожи ли на его подвигъ? Тогда онъ братъ спросилъ Старца: конечно, въ этомъ подвигѣ для тебя ощутительна была помощь укрѣпляющей благодати? Иначе не достало бы силъ человѣческихъ, отвѣчалъ Старецъ; внутренно подкрѣплялся и упѣшался я тѣмъ небеснымъ даромъ, который снисхо-

диптъ свѣше опъ Опца Свѣшовъ, и, помолчавъ, присовокупилъ: когда умяленіе естъ, то съ нами Богъ.

Въ продолженіе пустыннаго его житія, приходившимъ къ нему изъ монастыря братіямъ, для посѣщенія и принятія пользы опъ его совѣшовъ, давалъ онъ иногда наставленія, сообразныя требованію каждаго, а иногда, желая сохранити безмолвіе, опъ приходившихъ удалялся, или, ничего не говоря, падши ницъ на землю, не вставалъ до тѣхъ поръ, пока пришедшіе къ нему оставляли его въ любовномъ для него безмолвіи. Исконный прагъ, діаволъ, не терпя видѣть таковыхъ доблестивныхъ подвиговъ Старца, дѣлалъ ему разные искушенія, особенно ночью, во время молитвы, такое сильное дѣлалъ нападеніе, что поднималъ его на воздухъ, ударялъ объ полъ такъ сильно, что ежели бы не помощь Божія подкрѣпляла его, то опъ таковыхъ ударовъ и коспи могли бы сокрушиться. А пошому онъ тѣмъ, кои пребывали его совѣта для прохожденія жизни пустынной, говаривалъ, что живущему въ пустынѣ должно быть какъ бы распятому на крестѣ, и что въ монастырѣ живущіе борются съ противными силами, какъ бы съ голубями, а въ пустынѣ, какъ со львами и леопардами.

Но сколько ни спарался діаволь воспрепятствованъ доблесивенному сему подвижнику въ его шеченіи и удаливъ отъ жизни уединенной, однако всѣ усилія его остались щепсны: ибо таковыми искушеніями ничего успѣть не могъ; напротивъ, самъ отъ него былъ побѣжденъ, и принужденъ былъ со смирдомъ отступити отъ него, не произведши измѣненія въ пресвѣніи ума его.

Но когда діаволь не могъ самъ по себѣ причинити твердому отшельнику никакого вреда: то употребилъ на сіе орудіемъ злыхъ людей. 1804 года 12^{го} Сентября пришли къ Спарцу три человека изъ сосѣднихъ крещанъ. Онъ былъ въ это время въ своемъ огородѣ. Крестьяне приступили къ нему и требовали отъ него денегъ, говоря, что къ тебѣ ходятъ мірскіе люди и посягъ деньги. Онъ имъ отвѣчалъ, что я ни отъ кого ничего не беру; но они, не повѣря его словамъ, положили вынудить требуемое насильственнымъ образомъ. Одинъ изъ нихъ сначала ударилъ его въ голову такъ крѣпко, что у него пошла изъ устъ и ушей кровь, — потомъ били его смертельно и, связавъ ему руки и ноги, притащили его въ сѣни его келіи, гдѣ до тѣхъ поръ били, пока сочли его уже умершимъ. Но таковымъ безчеловѣчнымъ поступкомъ они осматривали все

у него въ келіи и, не нашедши ничего, кромѣ скудныхъ стѣстныхъ припасовъ, удалились. Огнь сихъ смертельныхъ ударовъ онъ едва могъ придти въ чувство и кое-какъ развязать себя. На другой день весь израненный съ большимъ трудомъ пришелъ въ обитель во время липургіи. Онъ былъ весь окровавленъ, волосы его были смяты и смѣшаны съ соромъ, руки избиты, уста запеклись кровію и нѣсколько зубовъ было выбито. Увидѣвъ его брація въ шакомъ жалкомъ положеніи, ужаснулись и спрашивали, что съ нимъ случилось? Онъ просилъ ихъ позвать къ себѣ Строителя и Казначей, которыми все случившееся съ нимъ объявить. Строитель Исаія и Казначей очень о семъ сожалѣли. Послѣ того узнаны были тѣ крестіане, которые его избили; но онъ, простилъ ихъ, упрямивалъ Наспопаса, чтобъ и онъ никакого съ нихъ взысканія за сіе не дѣлалъ; въ противномъ случаѣ лучше онъ соглашался, чтобъ его изъ обители выслали, нежели имъ какое-либо оскорбленіе нанесли. Такъ онъ былъ незлобивъ и опускалъ обиды врагамъ своимъ! По нѣкоторомъ времени, предснательствомъ Божіа Матери, какъ онъ о семъ открылъ одному изъ браціи, получилъ онъ огнь тѣхъ причиненныхъ ему побоевъ исцѣленіе. Послѣ сего

просилъ онъ у Настоятеля позволенія пакъ возвратишься въ свою отшельническую келлію. Настоятель, по совѣту брашій, уговаривалъ его османись навсегда въ монастырь, опасаясь подобныхъ случаевъ; но онъ отвѣчалъ, что не страшнися такихъ нападеній; ибо рѣшился претерпѣвать всѣ оскорбленія, какія бы ни случились, подражалъ Мученикамъ, спрадавшимъ за Господа нашего Іисуса Христа. Настоятель, видя твердость его духа, оставилъ его при его желаніи, и онъ возвратился въ свою пустынную келлію.

Къ Стропнелю Исаіи Отецъ Серафимъ имѣлъ великое уваженіе и любовь: ибо Исаіа воспрималъ его при посмиреніи въ монашество онъ Евангелія, и былъ ему духовный Отецъ. Посму по смерти сего Стропнеля, скончавшагося 1807 года, лишеніе коего было для него великою потерей, онъ предалъ себя совершенному безмолвію, и ни съ кѣмъ не говорилъ, пребывая въ молчаніи около трехъ лѣтъ. Удрученный лѣтами Старецъ и изнуренный отъ долговременныхъ подвиговъ, посмепенно ослабѣвалъ въ силахъ своихъ, такъ что уже не могъ по прежнему обычаю приходишь въ монастырь въ праздничные дни для пріобщенія

Святыхъ Таинъ. Сіе побудило его переменить пустынную жизнь. По благословенію Спротителя Нифонта, онъ оставилъ пустынную свою келлію, пробывъ въ ней около шестнадцати лѣтъ, и переселился въ монастырь 1809 года Мая 9^{го} дня. Настоятель и братія весьма обрадовались его преселенію: ибо могли всегда его видѣть и пользоваться примѣромъ его благочестивой жизни.

По вступленіи въ монастырь, онъ затворился въ своей келліи и оная, по прежнему своему обычаю, предать себя безмолвію и уединенію, въ теченіи пяти лѣтъ никого почти не принимая ни изъ братіи, ни изъ постороннихъ постыпшелей. Онъ не хотѣлъ требовать для себя даже нужныхъ потребностей. Въ его келліи не было огня; волосы на головѣ свалились такъ, что едва ножницами кое-какъ могли подстричь ихъ и снять на подобіе шапки. Одежда его была всегда одинакова. На плѣчь евоемъ носилъ онъ вериги. Умертвивъ въ себѣ ко всемъ мірскимъ предеснямъ желаніе, онъ всегда предъ очами имѣлъ память смертную, по ученію Іисуса сына Сирахова: *Помни послѣднія твоя, и во вѣки не согрѣшиши.* Сирах. гл. 7. ст. 39. Онъ упросилъ сдѣлать себѣ дубовый гробъ и по-

ставилъ его въ свѣжѣхъ своей келліи, у комо-
раго часно моляся, всегда готовился къ по-
ходу онъ здѣшней къ вѣчной жизни, и си-
дѣлъ въ келліи своей какъ во гробъ, подобно
живому мертвенцу. Рѣдкіе изъ братіи могли
его видѣть и съ нимъ бесѣдовать. Онъ при-
ходящихъ къ нему учить ходилъ въ церковь
неопустительно, занимаясь умною молиш-
вою, проходивъ послушаніе, какое Начальни-
комъ буденъ возложено, и старался паче
всего быть мирну. Нужная же пища для не-
го приносима была презъ одного, живущаго
съ нимъ, брата въ его стѣнѣ и нѣмѣ послав-
ляема. Такъ приносили ему оную до самой
его кончины. Часто случалось, что кто ни-
будь изъ братіи заспавалъ его въ келліи на
молишвѣ или въ чиненіи, и, желая воспользо-
ваться его наставленіями, предлагалъ ему раз-
ные вопросы; но онъ, не обращая на его сло-
ва никакого вниманія, оставался при своемъ
занятіи, и приходившій къ нему братъ при-
нуждаемъ былъ удалиться, не получивъ отъ
него никакого опыта на предлагаемыя по-
просы. Таково было его безмолвіе и углубле-
ніе въ самого себя!

Во время пребыванія въ затворѣ имѣлъ
онъ слѣдующее келейное правило. Начиная съ

вечера субботняго и въ самый воскресный день отправлялъ службу всю воскресную, которую положено исправлять въ Уставѣ Церковномъ; въ понедѣльникъ прочиывалъ все Евангеліе отъ Матфея, во вторникъ отъ Марка, въ среду отъ Луки, въ четвертокъ отъ Іоанна, въ пятнокъ отправлялъ службу Кресту Господню по Церковному Уставу, въ субботу всѣмъ Святымъ; сверхъ сего полагалъ по тысячѣ поклоновъ каждый день вмѣсто правила, которое содержишь Саровская Пустынь, и упражнялся въ умной Іисусовой молитвѣ.

Святыя Тайны для пріобщенія его, по благословенію Настоятеля, приносимы были къ нему въ келью въ воскресные и праздничные дни отъ ранней литургіи. Пріобщаться Святыихъ Таинъ шѣла и крови Господней поставлялъ онъ для себя сіюль возжелѣннымъ, что не пропускалъ ни одного праздника и воскреснаго дня не сподобившись сего Святыни. Да и другихъ къ тому же побуждалъ, чтобы не пропускали ни одного годоваго праздника, не очистиливъ совѣсти своей исповѣдію и не омывъ грѣховъ своихъ кровію Господа нашего Іисуса Христа.

Послѣ пяти-лѣтней безмолвной жизни, убѣжденъ будучи просьбами некоторыхъ почитателей, Отецъ Серафимъ началъ принимать и постороннихъ. Первый принять отъ него благословеніе бывший Тамбовскій Губернаторъ, посетившій обитель 1815 года въ Сентябрѣ мѣсяцѣ. Съ сего времени Старецъ не отказывалъ никому, кто только желалъ принять отъ него благословеніе и воспользоваться его совѣтами; а потому и посетителей время отъ времени болѣе и болѣе умножалось. Многіе изъ дальнихъ мѣстъ начали приходивъ къ нему для принятія отъ него благословенія и полевныхъ совѣтовъ. Приходящихъ къ нему отъ благословлялъ и дѣлалъ имъ краткія поученія, смотря по душевнымъ нуждамъ каждаго. При семъ онъ имѣлъ обыкновеніе приходившимъ къ нему раздавать антиморъ и мѣтко искрошенные благословенные хлѣбы; и всѣ принимали отъ него оныя съ благоговѣніемъ, почтеніемъ и любовію. Въ заимворѣ пробылъ онъ семнадцать лѣтъ. Отъ столь долгаго пребыванія въ заимворѣ пришелъ онъ въ крайнее изнеможеніе и особенно сталъ чувствовать сильную головную боль; почему и спросилъ врачей, какимъ бы образомъ можно было ему облегчить болѣзнь, и хотя нѣсколько возстановивъ свое здоровье. Они со-

гото́вали ему или открывъ кровъ или выходить на воздухъ. А какъ онъ во всю жизнь свою не лѣчился; то и избралъ последнее. Но такъ какъ онъ положилъ себѣ за правило, чтобъ ничего не предпринимать, не получивъ какого-нибудь извѣщенія свыше; то и въ семь случаевъ открылъ онъ въ молитвенномъ возвышеніи къ Господу Богу намѣреніе свое и просилъ на сіе Божесвеннаго извѣщенія, которое и получилъ. Почему 1825 года Нолбры 25го дня, въ память Свидѣтелей Климентя Папы Римскаго и Писра Александрійскаго, въ первый разъ вышелъ онъ изъ зашвора въ лѣсъ. За дальностію разстоянія первой келліи, онъ построилъ себѣ другую поближе при рѣчкѣ Саровкѣ, онъ обителіи разстояніемъ около двухъ верстъ, гдѣ имѣлъ онъ ошдохновеніе во время дневныхъ трудовъ, и приносилъ Все-вышнему молитвы. Съ тѣхъ поръ онъ, кромѣ праздниковъ и воскресныхъ дней, каждый починъ день ходилъ въ лѣсъ, и тамъ занимался то приготовленіемъ дровъ для топки келліи, то воздвѣливаніемъ грядокъ для сажденія картофеля, и къ вечеру всегда возвращался въ обитель. Во время хожденія изъ лѣсу въ келлію и изъ нея въ лѣсъ, онъ имѣлъ обыкновение носить въ мѣшкѣ на себѣ камни, и на вопросъ, для чего онъ ихъ носитъ, отвѣчалъ:

л, по Ефрему Сирину, *томо томящаго мя*. Во время такового его уединенія многіе избранныя слышали его часпо поощряющаго Аппифонъ: *Пустыннымъ непрестанное Божественное желаніе бываетъ, міра сущимъ суетнаго кромѣ*. Сіе пѣніе было не просное бѣніе воздуха, но было выраженіемъ сердечнаго его чувствованія; ибо онъ сіе дѣлалъ въ поспоргѣ духа.

По выходѣ своемъ изъ затвора для пріобщенія Священныхъ Таинъ, онъ началъ ходити къ ранней литургіи въ больничную церковь, и послѣ литургіи ваки возвращался въ свою келлію, сопровождаетъ будучи множесствомъ постыпителей, желающихъ принятии его благословеніе и получити пользу душевную. Съ сего времени усердствующихъ къ нему такъ сдѣлалось много, что каждый день, особенно лѣтомъ, нныя приходили къ нему къ пустынной келліи его, а другіе дожидались въ монастырѣ, чтобъ видѣти его, принятии отъ него благословеніе и услышати назидательныя наставленія.

Память его была остра, умъ очищенный и даръ слова обильный. Бесѣды его столь были дѣйственны и утѣшительны, что всякій слышавшій оныя находилъ въ нихъ душевную

для себя пользу, — и некоторые среди собраний признавались, что бесѣды его снимали съ очей ихъ какъ бы покрывало завѣсу, озаряли умы ихъ свѣтомъ духовнаго просвѣщенія, и возбуждали въ души рѣшительную перемѣну на лучшее. Всѣ свои слова и разсужденія онъ основывалъ на Словѣ Божіемъ, и подтверждалъ ихъ наиболѣе мѣстами изъ Новаго Завета. По чистотѣ духа своего имѣлъ онъ даръ прозорливства; инѣмъ, прежде объясненія ими своихъ общезначительныхъ, давалъ наставленія, прямо клонившіяся ко внутреннимъ ихъ чувствованіямъ и мыслямъ сердечнымъ. Особенную онъ имѣлъ любовь и почтеніе къ тѣмъ Священнымъ, которые были ревнителями вѣры Христіанской, какъ-то: къ Клименту Папѣ Римскому, Іоанну Златоустому, Василию Великому, Григорію Богослову, Афанасію Великому, Кириллу Іерусалимскому, Епифанію Кипрскому, Амвросію Медиоланскому и прочимъ подобнымъ имъ, называя ихъ столпами Церкви; часто приводилъ ихъ въ примѣръ твердости и непоколебимости въ вѣрѣ. Убѣждалъ твердо стоять за истину догматовъ Восточной Церкви, приводя также въ примѣръ Марка Ефесскаго, показавшаго особенную ревность въ защитѣ Восточно-Каѳолической вѣры на Флорентинскомъ Соборѣ. Самъ предлагалъ наставле-

нія о православіи, объясняя, какъ оно нужно, въ чемъ оно сосиоинтъ, и какъ надобно защищать его. Любилъ говорить о Россійскихъ Святителяхъ Алексіѣ, Іоаннѣ, Филиппѣ, Димитріѣ Ростовскомъ, Стефанѣ Пермскомъ, о Преподобномъ Сергіѣ Радонежскомъ и другихъ Россійскихъ Угодникахъ Божіихъ, — и ихъ жизнь пославлялъ правиломъ на пути спасенія. Житія Святыхъ, описанныхъ въ Четьи Миней, такъ твердо зналъ, что пересказывалъ цѣлыми отдѣленіями, совѣтуя подражать Угодникамъ Божіимъ. Особеннымъ свойствомъ его бесѣды и обхожденія была любовь и смиренномудріе; кто бы ни былъ приходившій къ нему, бѣднякъ ли въ рубищѣ, или богачъ въ свѣтлой одеждѣ, даже какими бы кто ни былъ обремененъ грѣхами, всѣхъ лобызалъ онъ съ любовью, всѣмъ кланялся до земли, и благословляя, самъ цѣловалъ у многихъ непосвященныхъ людей руки. Онъ никого не поражалъ жестокими укоризнами или сстрогими выговорами, ни на кого не возлагалъ тяжкаго бремени, самъ неся крестъ Христовъ со всѣми скорбями. Онъ говорилъ инымъ обличенія, но кротко, растворяя слово свое смирениемъ и любовію; старался возбудить дѣйствіе совѣсти совѣтами, указывалъ путь спасенія и часно такъ, что слушавшій на первый разъ

и не понималъ, что дѣло пдеитъ о его душѣ; послѣ же сила слова, осоленнаго благодатию, произподняла свое дѣйствіе неизменно; не выходили отъ него безъ наставленія ни богатые, ни бѣдные, ни простые, ни ученые, ни вельможи, ни просіолодины: для всѣхъ доставало живой воды, текшей изъ устъ смиреннаго и убогаго Старца, — всѣ оцущали его благопривычную любовь и ея силу, и шокн слезъ вырывались иногда и у нѣхъ, кои имѣли твердое и окаменѣлое сердце. Съ особенною неусыпностію заботился онъ о нѣхъ, въ коихъ видѣлъ расположеніе къ добру, утверждалъ ихъ совѣщаніи, наставленіями, указаніемъ пути спасенія, и возбуждалъ ихъ къ любви любовію своею. Впрочемъ, не смотря на его любовь ко всѣмъ, онъ былъ для нѣкоторыхъ *тяжекъ къ видѣнію*; *яко не подобно было инымъ житіе его, и отмычны были стези его* (Премудр. Солом. гл. 2. ст. 15). Но и съ *ненавидящими* его онъ былъ *миренъ*, обходился крошкю и любовно. Не было замѣчено, чтобы онъ какое-либо доброе дѣло отпесъ къ себѣ, или хвалилъ себя; но всегда, благословляя Господа Бога, говорилъ: *Не намъ, Господи, не намъ, но имени Твоему даждь славу* (Псал. 113. ст. 9). Когда же видѣлъ, что приходившіе внимали его совѣщаніи и повиновались его наставленіямъ,

по онъ спитъ не восхищался. Мы, говорятъ, должны всякую радость земную отъ себя удалять, следуя учению Иисуса Христа, Который сказалъ: *о семъ не радуйтесь, яко дуси вамъ повинуются: радуйтесь же, яко имена ваша написана суть на небесѣхъ.* — Лук. 10, 20. Одинъ братъ, къ которому онъ имѣлъ особенное расположеніе, просилъ его, чтобы позволялъ списать съ себя портретъ; — Синарецъ сказалъ ему: «кто я убогій Серафимъ, чтобы могъ позволить снѣтъ съ себя портретъ? Изображающіеся лица Господа нашего Иисуса Христа, Пречистой Его Матери и Святыхъ, а мы грѣшныя что значимъ?» Когда же братъ этотъ продолжалъ просить его, представляя, что сего желаютъ многіе изъ усердія: Синарецъ сказалъ: мы всегда и во всѣхъ случаяхъ должны синаряться отъсѣканью вины тщеславія въ самомъ началѣ. Одинъ братъ сказалъ Отцу Серафиму: тебя много беспокоитъ обоимъ половѣ люди, и ты всѣхъ безъ всякаго различія пускаешь къ себѣ; Отецъ Серафимъ привелъ на сіе въ примѣръ Иларіона Великаго, который не велѣлъ затворять дверей ради странниковъ; положимъ, сказалъ онъ, что я затворю двери келліи моея: но когда приходящіе къ ней люди, жаждущіе слова утѣшенія, будутъ меня заклипать Богомъ,

и, не получивъ отъ меня ничего, будутъ съ печалію возвращаться; какой я тогда могу дать отвѣтъ на Спрашномъ Судѣ Божіемъ?

Другой братъ спросилъ Оица Серафима: что ты всѣхъ учишь? На сіе онъ ему отвѣтствовалъ: я слѣдую Слову Божію, которое учишь: *Добро, еже благословити Бога и возносить имя Его, словеса дѣла Божіихъ благочестно сказующе* (Товип. 12, 6.), и учению Церкви, кошорая поетъ: не скрывай Словеса Божія, возвыщай чудеса Его (во вѣшорникъ Спрашныя седмицы на вечернихъ стихирахъ).

Нѣкто сказалъ Оицу Серафиму: много ли кошорые соблазняются. На сіе онъ отвѣтствовалъ: я не соблазняюсь тѣмъ, что много одни пользуются, а другіе соблазняются.

Одинъ богачъ, пришедши къ Оицу Серафиму, началъ говорить ему: что ты какое на себѣ носишь рубище? На сіе онъ отвѣтствовалъ: Іоасафъ Царевичъ, данную ему пустышникомъ Варлаамомъ мантию сочелъ выще и дороже багрянцы Царскія (Чет. Мин. Полября 19^{го} дня). Отецъ Серафимъ часто говаривалъ: «намъ запрещаютъ жить въ пустынѣ; но первый нашъ Отецъ, Іоаннъ Предтеча, былъ пустышникъ.»

Приближаясь къ глубокой старости, за годъ до смерти, Старецъ сталъ чувствовать въ тѣлесныхъ силахъ особенное изнеможеніе, и попому въ пущынную свою келлію началъ ходишь рѣже; также и въ монастырѣ не всегда уже принималъ къ себѣ посѣщителей. Это печаливало нѣкоторыхъ; но усердные, желая непремѣнно видѣть его и воспользоваться его наставленіями, дожидались и проживали для сего въ монастырѣ не малое время. За нѣсколько дней предъ смертію выходилъ онъ изъ келліи къ Успенскому Собору, обмѣрилъ и назначилъ съ боку олтаря мѣсто для могилы своей.

1833 Года Генваря 1^{го} дня въ послѣдній разъ пришелъ въ больничную церковь къ рапней литургіи, и пріобщился Святыхъ Таинъ. Въ сіе время замѣчено было въ немъ крайнее изнеможеніе тѣлесныхъ силъ; впрочемъ онъ показывалъ спокойный и радостный духъ.

На другой же день, т. е. 2^{го} Генваря, во время утрени онъ предалъ Господу Богу духъ свой. Когда отъ ранней литургіи вошелъ къ нему въ келлію монахъ Іоаннъ, то видя въ пей Старца на колыняхъ, сползаго предъ Святыми Иконами съ наклоненною головою, съ руками пригбенными къ персямъ, ду-

малъ, что онъ стоитъ на молитвѣ. Когда же приблизился къ нему, то нашелъ его уже скончавшимся. Персишъ оставалась на землѣ, а душа была уже у Господа. Монахъ оный объявилъ о семъ Настоятелю въ собраніи всей старшей братіи. Всѣ, будучи поражены симъ извѣстіемъ, скорбѣли о разлукѣ съ таковымъ доблестивнымъ подвижникомъ, который былъ примѣромъ всей братіи и служилъ украшеніемъ обители. При погребеніи его было необыкновенное стеченіе народа разнаго званія изъ окрестныхъ мѣстъ и изъ сосѣднихъ Губерній.



О П Е Ч А Т К А :

Напечатано :

Должно читаться :

Стран. Строк.

29. 16. много

мною

